

Annotation

Действие рассказа происходит во вселенной Империи Радх за несколько столетий до начала основной линии «Слуг Правосудия», примерно в период Гаонской аннексии (в романе доктор Арилесперас Стриган упоминает об этом событии при разговоре с Брек, что проливает определенный свет на плоды поступка героя). Отличная детективно-шпионская миниатюра в стиле старой космической НФ, ориентированной на клаустрофобические пространства исполинских кораблей и орбитальных станций. Опубликовано в сетевом журнале Electric Velocipede летом 2012 г.

- [Энн ЛЕКИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Энн ЛЕКИ

Медленный яд ночи

«Драгоценность Афат» использовалась в основном как грузовое судно, внутреннее пространство его было тесным и захламленным. И, подобно Внешней Станции, к которой корабль был пришвартован, — аскетичным, с облезшими и потускневшими от времени палубами и переборками. Инаракхат Кельс, с оружием и в сообразной случаю маске, уже завернул одну пассажирку и стоял в коридоре, ведущем со станции на борт, в ожидании следующего посетителя.

Человек приблизился почти вприпрыжку, словно теснота коридора ему не мешала. Он был в юбке и расшитой блузе. Кожа светло-коричневая, волосы темные, прямые, коротко стриженные. А глаза... Инаракхат Кельс почувствовал смятение. Кельс полагал, что за много лет научился смотреть иномирцам в лица без смущения, но вот же...

Гость оглянулся и поднял бровь.

— Она рассердилась.

Уголки его рта дернулись в сдержанной усмешке.

— Приносим сожаления, — нахмурился за маской Инаракхат Кельс. — Но вы о ком?

— О женщине, что стояла в очереди передо мной. Надо полагать, вы отказали ей в проезде?

— У нее были незадекларированные коммуникационные импланты.

Если честно, Кельс принял ее за радхаайскую шпионку, но не озвучил предположения.

— Ей принесут извинения за неудобства, но...

— Да ладно, — фыркнул человек, стоявший перед Кельсом. — Она чуть мой ужин вчера вечером не опрокинула, настаивая, чтоб я ей место уступил. Она, дескать, высшей касты.

— А вы?..

— А мне-то что, — сказал гость. — Я не с Зума или его окрестностей, с какой мне стати уважать их обычаи? А сегодня утром специально протолкалась вперед меня в очереди, пока мы ждали снаружи.

Он уже не скрывал улыбки.

— Надо сказать, я очень рад, что не придется провести в одном с ней пространстве шесть месяцев.

— А-а, — протянул Кельс без всякого выражения. Усмешка, очертания челюсти. Он понял теперь, почему гость ему понравился. Но ворошить старые воспоминания нет времени. Он сверился со списком.

— Вы Авт Эмнис из Герентата.

Тот подтвердил, что так оно и есть.

— С какой целью на Гаон?

— Моя бабушка была гаонийка, — сказал Авт Эмнис, и в глазах его, только что веселых, проступила печаль. — Я никогда не знал ее, и мне никто толком ничего о ней не рассказал. Я надеюсь больше узнать о ней на Афат.

Кем бы ни была его бабушка, а точно из того же рода, что Гхем, уверился Кельс. Глаза, рот, линия подбородка... Располагая чуть более подробными данными, Кельс бы уже мог сказать Авту, из какого дома его бабка.

— Желаем вам удачи в поисках, уважаемый Авт, — сказал он с легким поклоном, которого не сумел в себе подавить.

Авт Эмнис ответил улыбкой и таким же поклоном.

— Благодарю вас, уважаемый, — проговорил он. — Я так понял, мои коммуникационные импланты придется подключить.

— Если в течение полета они будут реактивированы, мы предпримем все необходимое для обеспечения безопасности корабля.

Авт покосился на пушку у запястья Кельса.

— Само собой. Но это что, и вправду так опасно?

— Примерно через три месяца полета, — отозвался Кельс по возможности мягко, — мы пролетим мимо последнего на данный

момент корабля, который попытался пересечь Крадучку, не выключая систем связи. Его будет видно из зоны отдыха пассажиров.

Авт усмехнулся.

— Меня одолевает желание умереть от старости в собственной постели. Желательно после долгой и скучной жизни учетчика на складе.

Кельс едва заметно улыбнулся.

— Желаем вам преуспеть в этом, — сказал он и отступил в сторону. Чтобы пропустить Авта, он был вынужден прижаться к переборке. — Ваш багаж доставят в каюту.

— Благодарю, уважаемый.

Проходя мимо, Авт задел Кельса и пробудил в том незнакомое чувство.

— Счастливого пути, — пробормотал Кельс в спину другому, но Авт не подал виду, что слышит.

* * *

Гаон — безлунная бело-синяя драгоценность на орбите вокруг желтого солнца. Три континента, разнообразные природные пояса, от великих пустынь Южной Лисиры до рек и мягких полей на фермах Севера и Запада того же материка и гор Аненга, которые еще продолжают порывисто дымить. Арим, третий континент, расположен в арктических широтах и необитаем. Помимо обычных для любой планеты промышленности и сельского хозяйства, на Гаоне добывают жемчуг и кораллы, которые после мастерской обработки экспортируются за Крадучку — во внешнем мире их высоко ценят. Герентатские музыканты гоняются за флейтами из дерева западных лесов Аненга.

Если верить легенде, первопоселенцы Гаона явились с Легкой Победы, мира, чье местоположение неизвестно. Тринадцать первоколонистов, три рода по четыре в каждом и один евнух, жрец Ираона. Три рода поделили мир между собой: Лисиру, Аненг и морские просторы. Жрец благословил раздел, и каждый род стал плодиться и процветать в мире.

Легенда есть легенда. Генетического разнообразия тринадцати человек не хватило бы заселить целую планету, да и в любом случае исследования показали, что первые люди на Гаоне, чьи потомки ныне расселились по Лисире и Аненгу, происходили в общем из того же народа, какой впоследствии заселил большую часть Герентата. Предки мореходов прибыли несколькими тысячами лет позже, их происхождение неясно.

Но первоколонисты либо знали о Крадучке еще до прибытия, либо сконструировали ее сами. Последнее кажется крайне маловероятным.

Герентатские исследователи наткнулись на Гаон уже после того, как экспансионистский импульс у них выдохся, так что единственная угроза от них представлена была горсткой туристов — задохликов без масок.

Но Радх — дело другое. На Гаоне все, от грудного ребенка до старейшей лисирской матриархини в палатке на краю пустынь, верили, что Анаандер Мианаай, верховный правитель Радха, положил завистливое око на Гаон и строит планы его покорения.

К счастью, корабли и неистощимые армии Радха, покорившие тысячи миров и станций, не сумели преодолеть Крадучку. Лишь она стояла между Гаоном и радхаайцами. Гаонцы были уверены, что шпионы регулярно зондируют этот бастион, и хитроумные радхаайцы постоянно измышляют, как бы найти в нем лазейку.

И тщетно указывали холодные головы, что миры Герентата — цель куда крупней и заманчивей, а польза от преодоления Крадучки обесценивается колоссальным риском задачи, что в размахе своих амбиций радхаайцы вряд ли заметят это единственный, маленький, в общем-то отсталый мир. Люди Гаона знали, что эти аргументы — обманка. Верховный правитель Радха вознамерился подчинить себе Гаон. Ну, или так считали жители Гаона.

* * *

Дежурила третья стража, охраняя пилотскую рубку и патрулируя коридоры «Драгоценности Афат». Первая стража спала. Вторая закончила ужинать, на их столике стояли чашки чая и лежали остатки хлебной буханки. Инаракхат Кельс наклонился вперед, уперев локти

в столик. Нинан и Трис, его товарищи по второй страже, облокотились на переборку.

— Шпионка! — протянул Нинан, стараясь не выдать зависти. — Ну, значит, нам следующая попадется.

Он дружески опер локоть на столик рядом с Кельсом.

— Но как возможно, — указал Трис, — что их попытки так очевидны, при всем богатстве и могуществе радхаайцев?

— Они от природы извращенцы.

Нинан взял чашку и уставился в нее.

— Так считается, — сказал Кельс. — В любом случае Анаандеру Мианаай придется найти дорогу в обход Крадучки.

Трис усмехнулся: зубы сверкнули из-под полумаски, закрывавшей верхнюю часть лица.

— А другие? За кем стоит присматривать, пока этого не случилось?

— За Хис Сулькой, — сказал Кельс и подался назад: присутствие Нинана стесняло его. Гаонийскую женщину-коммерсанта те знали по предыдущим рейсам.

— И за несколькими другими. — Он подумал об Авте Эмнисе. — Все как обычно. Турист из Преподобия. — Нинан и Трис с отвращением фыркнули. — Паломница из фаунтийского клана. Молодой человек из Герентата.

— Очередной турист, — простонал Нинан.

— Нет! — едва сдерживал смех Трис. — Я с ним говорил. Он ищет свою гаонскую бабушку!

Нинан рассмеялся.

— Найдет какую-нибудь беглянку или шлюху в своей генеалогии, ну и чего ради?

— Кем бы она ни была, — одернул его Кельс, — у ее внука время и деньги удовлетворить свое любопытство.

Нинан покачал головой в знак несогласия.

— Он рассчитывает найти матриархиню древнего благородного рода, которая признает его за родственника.

Трис кивнул.

— Повесит на стенку безвкусную дорогушую маску и станет распинаться перед соседями о своих экзотических корнях аристократа.

— А что, если он и вправду аристократ по крови? — спросил Кельс. Он знал то, что другим двум было неизвестно. Род Гхем был среди самых древних и почетных. Он подался вперед и налил себе еще чаю.

— А это неважно, — сказал Нинан. — Ни один род не обрадуется появлению нахала без маски.

Глаза Кельса под маской сузились.

— Едва ли уместно его винить за обычаи его народа, — заметил он самым что ни на есть ровным тоном.

Нинан обернулся и взглянул на него внимательней.

— Несомненно.

— Длинный был денек, — примирительно сказал Трис. — Инаракхат весь день возился с пассажирами. Но теперь можем отдохнуть, по крайней мере до завтра.

— Завтра будет скучно, — сказал Нинан. — Благодарение за это Ираону.

— Благодарение Ираону, — эхом откликнулись Трис и Кельс.

* * *

Прекраснее девушки, чем Гхем Эхенд, Инаракхат Кельс в жизни не видел. Рот у Эхенд был прямой и полногубый, кожа — теплого темно-коричневого оттенка. Руки сильные, почти квадратных очертаний, но грациозные, как и движения. Казалось, она все время смеется, даже когда едва раскрывает губы. Но главной ее драгоценностью были глаза, широкие, серые, светоносные. Мода на маски, скрывающие их, не затронула ее. Более того, она предпочитала другую крайность — маски, которые как можно полнее выделяли и подчеркивали красоту очей.

Она поцеловала его на замшелом склоне холма у речки. Небо

плотным серебристым ковром покрывали летние звезды. Другого света негде взять, кроме города внизу да плывших по реке лодок: цветные фонари на мачтах, красные и голубые, зеленые и золотые. На вкус ее губы были как цветы. У него сердце замерло, и все уплыло вдаль, кроме нее. Он поднял руку коснуться ее щеки, едва соображая, что это происходит на самом деле. Она снова поцеловала его, и, приняв это за знак поощрения, он осторожно подцепил пальцем нижний край ее маски.

Она сильно ударила его обеими руками в грудь. Он упал на мягкий мох, и перед глазами остались только звезды.

— Рано еще, — сказала она и, смеясь, убежала.

Он едва переводил дух от счастья. Рано еще! Время придет!

Но время никогда не пришло.

Через шесть месяцев выяснилось, что его род в долгах как в шелках, но теткам это совсем не мешало поддерживать привычный образ жизни, даром что уже довольно давно — в кредит.

Когда прибыло письмо, которого он ждал, то под красно-золотой печатью оказалось не предложение брака, но сухая отписка: если-де у него и были какие-то ожидания, то безосновательные, и лучше ему самому это понять. Письмо не от Эхенд, но от матриархини ее рода.

Он упаковал смену белья в заплечный мешок и спустился в доки, намереваясь завербоваться на любое судно, только бы подальше от Афат. Но оказался не нужен ни на одном. Он направился на окружную биржу труда, где дежурный клерк счел его подходящим кандидатом в Стражи. На следующее утро он уже летел в челноке на гаонскую орбитальную станцию. С тех пор нога его на Гаон не ступала ни разу.

* * *

Крадулку нельзя обнаружить ни глазом, ни каким бы то ни было из разработанных сканеров. Тем не менее безжалостное присутствие ее отрицать не получается. Внешнюю границу ее отмечают обломки кораблей, чьи капитаны сочли мрачные слухи вздором. Иногда попадают и целые корабли без видимых повреждений, бесцельно дрейфующие в никуда. Иногда скопища обломков призрачно

посверкивают в сиянии предупредительных бакенов, расставленных по периметру Крадучки с регулярными интервалами. Порой крадущийся через Крадучку корабль сталкивается с окоченевшим человеческим телом, которое неведь сколько времени крутилось тут в вакууме.

Чтобы выжить в переходе через Крадучку, корабль обязан двигаться медленно; путешествие отнимает почти шесть месяцев. В любой другой системе на него бы затратили считанные часы. К тому же надежно установлено, что любая попытка использовать в Крадучке коммуникационное оборудование ведет к ужасным результатам.

Куда меньше известно, что в Крадучке имеются определенные, единственно безопасные маршруты, не отмеченные и никак не зарегистрированные гаонцами для общего доступа. Блудя единственную свою линию обороны, они старательно следили, чтобы знание о них существовало только в головах пилотов, получивших разрешение на полет. Стражу основали не только для того, чтобы шпионы не прокрались на корабли, и не только для соблюдения запрета на пользование коммуникационным оборудованием, но и с целью изолировать пилотов от внешнего мира.

* * *

Бар на второй палубе был узкий и маленький: по одну сторону несколько столов и стульев, по другую иллюминаторы. Двое путешественников — один в яркой мантии со складками, типичной для Преподобия, другая — с обнаженными грудями и в охряной юбке, сидели за одним столом, согнувшись над игровой доской, выуживали из ямок фишки и быстро расставляли их, перебрасываясь каждые несколько ходов краткими репликами. По другую сторону бара стоял Авт Эмнис, глядя в пустоту. Лицо его находилось в тени; Кельса это утешило и разочаровало одновременно.

У Авта были глаза Гхем Эхенд. Уверенность не была бы полней, выложи перед ним кто данные анализа двух генотипов. Бабушка Авта Эмниса, может, и не из семейства Эхенд, но тетя или кузина ее явно покинули Гаон, направляясь к Герентату.

Если бы Кельс и Эхенд сочетались браком, у них бы родились

дети. Или дети от другого супруга, это неважно. Впервые за много лет он позволил себе задуматься, на кого они были бы похожи. Он не представлял себе Авта младенцем, но темноволосым сероглазым подростком... ожило воспоминание, как Кельс и его отец (в ту пору такой высокий и величественный!) идут рука об руку вниз к реке, посмотреть, как причаливают лодки.

Авт Эмнис повернул голову, отогнав тени. Он увидел Кельса и улыбнулся.

— О, снова вы.

— Я — всегда я, — сказал Кельс, отчего-то встревоженный словами молодого человека.

— Но вы не всегда на страже, — пояснил Авт, придвигаясь ближе к месту, где на другом конце ряда обзорных иллюминаторов стоял Кельс. — Все вы носите одинаковую одежду и маски, я никогда не уверен, кого встретил.

Он едва заметно улыбнулся и сделал извинительный жест.

— Я говорил с уважаемой Хис, коммерсантом, — сказал он, словно бы непринужденно продолжая прерванную беседу. — Она со мной наиболее вежлива. Она посоветовала мне оставить поиски моей бабушки, а вместо этого взять напрокат лодку и посетить прибрежные города Западного Аненга, где, по ее уверениям, я увижу пейзажи самой изысканной красоты во всем людском космосе. Это не считая даже отменного аррака и самых низких цен на искусственно выращенные жемчужины.

— А-а, — бросил Кельс чуть презрительно. — Она сама из Западного Аненга, и это объясняет ее предпочтения. Все это можно и близ Афат найти.

Авт сухо улыбнулся.

— Полагаю, она пыталась меня отговорить от мысли явиться к родичам моей бабушки и тем поставить последних в неловкое положение. А вы советуете мне посетить Афат?

— Определенно да.

Афат — самый прекрасный город Гаона, раскинулся в устье реки подобно изысканной маске.

— К югу от Афат есть лесной заповедник, который вам тоже

может быть любопытно посетить. Хотя, — он нахмурился, подумав о багаже Авта, — вам понадобится приобрести определенное снаряжение, если соберетесь туда надолго.

— Я редко хожу в походы по мирам, с которыми не вполне знаком.

— Сомнение — мудрая политика. Я не советовал бы вам ходить в походы по Гаону в одиночестве.

— Почему, уважаемый? — спросил Авт.

— Вонды.

— Вонды?

— Они размерами от очень маленьких до... — Кельс сложил руки чашечкой, потом развел шире. — Вот таких. Укус самых обычных, маленьких, саднит несколько дней. Более крупные могут доставить человеку и более серьезные неприятности. Яд некоторых действительно пользуется спросом в определенных кругах. — Ему вспомнились вонда-бары в северных округах города, и он издал негромкий возглас омерзения. — Не советую. А опасаться вам надо чайной вонды.

— Она опасна?

— Она называется чайной вондой, потому что после ее укуса времени, оставшегося до смерти, как раз хватит, чтобы заварить чай и выпить чашку.

Авт поднял бровь.

— Не самый мудрый способ провести оставшиеся тебе несколько минут. Вы встречались с такой?

— Она меня укусила, — сказал Кельс. Ему было пятнадцать. Его дядя купил на афатском рынке корзину плодов и оставил на скамье для детей: узкой и длинной, идущей вдоль задней стены дома. Фрукты были спелые, крупные, темно-пурпурные, и Кельс, увидев их, без раздумий сунулся в корзину. Не успел он коснуться плодов, как почувствовал ледяной укол.

— Что вы сделали? — спросил Авт Эмнис. — Надо полагать, чайник кипятить не стали.

— Я запаниковал, — ответил Кельс.

Несколько мгновений он стоял, моргая и пытаясь осознать, что случилось, а холод полз по руке, взбираясь к запястью, и тут он увидел чайную вонду, которая присосалась к ней, выпроставшись из пурпурного плода. Центр тела вонды был мертвенно-белым, с серебристыми полосками. Окружавшая его мембрана пульсировала и подрагивала, спирально загнутые края наливались розовым и красным, а хоботок вонзался все глубже в руку. Под его взглядом кисть стала неметь, а лед пополз дальше, мимо запястья к локтю. Он попытался закричать, но не издал ни звука.

— Я застыл.

— А как вам следовало действовать? — спросил Авт Эмнис.

— Мне следовало схватить самый большой нож на кухне и отсечь себе руку.

И когда он понял это, то побежал через комнаты, открыл ящик и выхватил оттуда нож, тяжелый, с лезвием шириной три дюйма и длиной пятнадцать. Но затем застыл, бессильный сделать то, что должен был сделать, а вихрь страха и паники вымел из разума все мысли. Тут на кухню заглянула его сестра. Она покрыла расстояние между ними в бешеном темпе, вырвала нож из его руки и толкнула его к полкам. Затем, словно разделявая дичь к пирушке, выпрямила его руку, решительно ударила по ней ножом, прорезав кость и плоть, и отсекла руку как раз ниже плеча.

И тогда он закричал.

— И что произошло? — спросил Авт.

— Моя сестра нашла меня и отсекла мне руку. Мне очень повезло. Я сглупил.

— Действительно. — Это заговорила фаунтийка в юбке. — На месте вашей сестры я бы оставила вас умирать.

— Полноте, уважаемая, — сказал ее оппонент. — Зачем же так. Любой в такой ситуации может запаниковать.

— Нет, если выжить хочет, — поджала губы женщина. — Это выставляет в нелестном свете Стражу, выбравшую себе такого работника.

— Не может же ваш народ быть так жесток, — сказал другой. — Ну ведь не может.

— Жесток? — повторила она. — Мы практичны.

— Не стал бы его винить, — заметил Авт Эмнис. — Легко себя убеждать, что доктор без труда заменит руку, но как дело доходит до... — Он потряс головой. — Нельзя себя намеренно так увечить, вот и только-то. Лишнее напоминание.

Женщина фыркнула.

— М-да, я теперь уверена, что Герентат падет перед Анаандером Мианаай, стоит ему обратить на вас внимание. Вы чересчур сентиментальны. И Гаон тоже, несмотря на Крадучку и усилия Стражи.

Тут она взглянула прямо на Кельса.

— Уважаемая, — сказал Кельс. — Вот только хамить не нужно.

— Я говорю то, что думаю, — огрызнулась женщина. — Мой народ за масками не прячется.

— Да нет же, — спокойно возразил Авт. — Ваша маска — жестокость и прямая до грубости речь в свою защиту. Мы видим вас такой, какой вы хотите казаться, а не ваше подлинное естество. В маске или нет, а стражник Инаракхат честнее вас.

Женщина снова издала презрительное фырканье, но ничего больше не сказала.

Кельс мгновение смотрел в иллюминатор, собираясь с мыслями и пытаясь успокоиться. Ему захотелось покинуть бар, но это выглядело бы в своем роде как бегство.

— Уважаемый Авт, вы намерены пообщаться с родом своей бабушки?

Он не об этом намеревался спросить.

Вопрос Авта Эмниса, кажется, не удивил.

— Не знаю. А вы бы рекомендовали это?

Да, нет, не знаю — разные ответы сталкивались, перепутывались, лишали его дара речи. Род Гхем, в котором и помыслить не могли об отношениях с его неудачливым семейством, Авта примет не лучше, и мысль эта Кельса огорчила. А также порадовала. Пускай гхеманцы узнают, кого отвергли!

Ну или, во всяком случае, они могут обойтись с гостем хотя бы вежливо.

— Трудно сказать наверняка, уважаемый. Но...

— Да?

— Если так поступите, обзаведитесь маской. Не в лавках возле космопорта, и даже не на берегу реки. Ищите на третьем холме, возле квартала ювелиров. И выбирайте маску не слишком тонкой работы, не слишком яркой расцветки.

— Я и сам склонялся бы к такому выбору, — сказал Авт. — Еще раз благодарю вас за совет.

Он помедлил, словно не решаясь продолжить.

— Торговка Хис такая завзятая сплетница...

Кельс за маской нахмурился.

Авт тихо продолжил:

— Она рассказала фантастическую и романтическую историю о вашем юношеском любовном разочаровании. Я уверен, что не... — Авт сделал едва заметный иронический жест, — из какого-либо к вам неуважения, но пытаюсь меня снова отпугнуть от попыток выйти на контакт с родом моей бабки. С кем бы то ни было. Но когда я услышал вашу историю, то задумался. Привязались ли вы к чему-то, что обязаны были отпустить? Дочь богатого аристократического рода не выбирает ни первого мужа, ни даже второго. Но третьего мужа ей, возможно, было бы позволено выбрать по зову сердца. Вероятно, вы ее не так хорошо знали, как могли подумать. И да, если слова уважаемой Хис правдивы, та девушка повела себя очень недостойно.

Он слегка поклонился в знак извинения.

— Простите мою самонадеянность...

— Ее род... — начал Кельс, и Авт поднял бровь. Кельс был рад, что на нем маска. — Это было давно, уважаемый.

— Я вас обидел. Пожалуйста, поверьте: я к этому не стремился.

— Я верю, уважаемый, — ответил Кельс самым спокойным тоном, на какой был способен, в замешательстве поклонился и покинул бар.

* * *

Шесть месяцев на маленьком судне — долгий срок. Вид из иллюминаторов «Драгоценности Афат» не отличался от обычного. Можно было, конечно, резаться в фишки до одурения, но количество потенциальных противников оставалось ограничено. Даже ставки спустя месяц в пути надоели.

— Шесть или семь поколений назад иметь в роду гаонского предка считалось модным, — сказал Авт Кельсу под конец первого месяца. Фаунтийка, которую Авт обыграл в фишки третий раз кряду, молча и оскорбленно удалилась, так что они остались одни в баре для пассажиров. — Чем дальше в генеалогии, тем лучше. Слишком близкий и бедный предок — и станешь полукровкой, чужаком в собственной семье. Родственники моей матери всегда подозревали, что мой отец, гаонец-полукровка, из наемников. Они заботились обо мне после смерти родителей, но скорее из чувства собственности, чем по иным соображениям.

— Если бы твоя бабушка никогда не покидала Гаона, — сказал Кельс, размышляя и о себе, и об Авте, — твое детство сложилось бы совсем по-другому!

— Это правда, но я бы не стал Автом Эмнисом.

* * *

На втором месяце путешествия библиотека с развлекательными записями, казавшаяся поначалу такой большой и разнообразной, стала монотонной и наскучила. Попутчики, поначалу манившие экзотической чужеродностью или приятельской близостью, утратили все очарование и стали раздражать. Тесные пространства превратились в ловушки и продолжали сужаться.

С тех пор, как Инаракхат Кельс познакомился с напарниками по Страже, офицерами Нинаном и Трисом, компания у них сложилась более или менее приятная, несмотря на некоторое недоверие с их стороны; хотя его род и пришел в запустение, но был выше их агнатов. Под конец второго месяца пренебрежительные реплики офицеров о пассажирах, а в особенности Авта Эмниса, стали напрягать Кельса. Эти ремарки ничем не отличались от тех подколов,

какие они отпускали в адрес герентатских путешественников, ранее искавших свои гаонские корни, и Кельса в прошлом веселили. Но теперь он понял, что его надменность иного происхождения и нацелена в иную сторону.

* * *

На третий месяц начало казаться, что никакого мира за пределами корабля никогда не существовало, и продвижение во тьме длится вечно. Жизнь до путешествия стала далеким воспоминанием, нереальным и странно текстурированным. Пункт назначения представлялся ненадежным понятием. В этом месяце они миновали обломки последнего из кораблей, которые осмелились преступить запрет на работу систем связи, и эта встреча привлекла несоразмерный значению интерес пассажиров.

— Как ты и обещал, — сказал Авт Кельсу, наблюдая за обломками мертвого судна. Он говорил тихо, поскольку другие — вспльчивая фаунтийка, турист с Преподобия, даже Хис Сулька, для которой это зрелище не было внове, — молчали. — Интересно, зачем они так поступили.

— Дураки были, — предположила Хис.

— Или обезумели от изоляции, — сказал турист с Преподобия. По тону было похоже, что это шутка, но убедительности ей не доставало.

* * *

На четвертый месяц воцарилась отчаянная скука. Бежевые стены без отделки, чернота в иллюминаторах, питательная, но однообразная кормежка, слились в неразрывный фон; сенсорная депривация принуждала разум сочинять все новые фантазии в попытках отогнать ментальный голод.

— Ты читал Ферсай? — спросил Кельс. Они с Автом сидели в баре одни.

— «Утешение в безумии»? — улыбнулся Авт. — Нет, никогда. Но я никогда не встречал никого, кто читал бы, хотя эта вещь ценится

очень высоко.

— Я пробовал, — сознался Кельс.

Авт усмехнулся.

— Скука заела?

— Смеяться будешь, — сказал Кельс. — Она приступила к работе здесь, на этом самом корабле, за этим самым столом, в этой же точке путешествия. Какая странная и завораживающая вещь! Она, верно, уже с ума сходила.

— Меня это ни в малой мере не удивляет, — сказал Авт.

* * *

Пятый месяц оказался в целом таким же, как и четвертый. Время сжалось в единственное вечное мгновение.

* * *

На шестом месяце разум медленно пробуждается в осознании, что вскоре бесконечному странствию настанет конец. Когда Стража объявила, что остается всего день до выхода из Крадучки и перехода на более высокую скорость, пассажиры жутко обрадовались. Этот день, и несколько следующих, которые нужны для полета к станции на орбите Гаона, кажутся непереносимо долгим сроком. Тщетно пассажиры напоминают себе, что время и без их присмотра идет. Любой, будь то в открытую или исподтишка, отмечает каждую неускоримую секунду, жадно ожидая скрежета и свистящего хлопка стыковки.

* * *

В последний день перехода через Крадучку грянула катастрофа.

Кельс отбыл смену и поужинал с Нинаном и Трисом — молча, в напряженной обстановке. Он рано пошел спать, но, проворочавшись несколько часов, встал, оделся и направился в бар. Там было пусто.

Он немного удивился и расстроился, что Авта Эмниса нет, хотя понимал, что пассажиры в такой час, наверное, спят.

Как только Авт сойдет с корабля, Кельс с ним, скорее всего, больше никогда не увидится. Это было справедливо в отношении каждого пассажира за все эти годы, но раньше не имело для Кельса значения. Именно потому он не мог заснуть. Он хотел кое-что сказать Авту, но не знал, стоит ли, и даже не понимал, сумеет ли.

Он прошел тем же маршрутом, что на дежурствах, но никого не встретил, даже своего товарища с третьей стражи. Каюты пассажиров были заперты, корабль казался безлюдным и одиноким. Ему мечталось кого-то повстречать и обменяться кивками или формальными приветствиями, просто чтобы стряхнуть с себя неприятное ощущение, что он стал невидим, превратился в бесплотное привидение на борту корабля, покинутого командой и дрейфующего без курса.

Именно поэтому он пошел на крайне редкий для себя поступок. Он приблизился к двум офицерам Стражи, которые охраняли пилотскую рубку.

Он поднял руку в приветствии, ожидая ответного жеста и вопроса, зачем Кельс в такой час слоняется по коридорам. Пара непричемных фраз о бессоннице уже подвернулась ему на язык в заготовленном ответе, но два офицера в масках стояли неподвижно в конце узкого коридорчика. Он удивленно замер.

— Под конец пути, — нашелся он, — дни кажутся длинней, так ведь?

Ответа не последовало. Чувство неловкости нарастало, но встревожила Кельса не так мысль о возможных проблемах у стражников, как сознание отчаянного сомнения в собственном существовании. Здравый смысл превозмог. Он положил руку на плечо молчаливого стражника.

— Уважаемый!

Нет ответа. Он слегка толкнул стражника. Тот медленно отвернулся, словно в трансе.

Кельс выхватил пистолет и кинулся мимо двух безмолвных стражников к двери пилотской рубки.

Пилот сидел в кресле спиной к двери. Перед ним была панель

управления кораблем. Темноволосая фигура в юбке и расшитой блузе склонилась над ним с небольшим записывающим устройством в руке. Кельс до любого почти мог рукой достать. Он уже собрался стрелять, как Авт Эмнис выпрямился и посмотрел на него глазами Гхем Эхенд.

Этого колебания оказалось достаточно. Авт перехватил пистолет и вывернул его стволом вверх и от себя, скрутив Кельсу руку так больно, что тот вынужден был выпустить оружие. Авт нацелил пушку на Кельса и прижал того к переборке.

— Зачем? — выдохнул Кельс. У него после захвата Авта все еще ныла кисть.

— Это моя работа, — ответил Авт. — Или ты поверил, что меня устроит должность складского учетчика?

— Ты что, свой народ совсем не уважаешь? — спросил Кельс. — Или Герентат и вправду наш враг?

Авт улыбнулся чуть печально.

— Герентат вам не враг. Но Радх... — Он пожал плечами.

— Радхаайцы, — в ужасе прошептал Кельс. — Нам конец.

— Напротив. Уничтожить любую часть мира значит уничтожить ее ценность. Если сдадитесь, вам не причинят вреда. А те, кто не сдастся... — Он снова пожал плечами, не сводя ствола с Кельса. — Они сами выбрали свою судьбу. Но если ты имеешь в виду некое неотъемлемое качество гаонцев, или эти напыщенную гордыню и изоляцию... Я-то думал, ты из всего своего народа более других склонен понимать, что ценности в них никакой. — Он сардонически поднял бровь. — Не только с тобой род Гхем дурно обошелся. Я о своей бабке знаю больше, чем рассказал.

Кельса шатало, дышать было трудно, словно воздух обратился в воду, и он в этой воде тонул. Авт уже понял и наперед угадал то, что Кельс собирался ему сказать.

— Я ничего не должен Гаону, — продолжал Авт. — И Герентату. А радхаайцы мне хорошо платят.

Он отпустил Кельса. Тот не шелохнулся, оцепенев от неожиданного откровения и угрозы оружием.

— Не вини себя. Ты ничего не достигнешь, убив меня. Ты думаешь, это первая успешная попытка? Никто из вас ничего не

запомнит, как и в прошлые разы, когда агент пролетал этим маршрутом.

Авт положил руку на плечо Кельса и успокаивающе сжал его.

— Я не убью тебя, если ты меня не вынудишь. И если вынудишь, я об этом очень сильно пожалею.

Затем он отвернулся, не выпуская пистолета, и возобновил тихий допрос пилота.

У Кельса продолжала ныть кисть, но боль отдалилась, как во сне, от которого он вскоре проснется. Он пытался дышать глубже, но задыхался лишь сильнее. Это что же получается, он сам так стоял в трансе рядом с пилотской рубкой, пока радхаайский шпион старательно зондировал проходы через самую надежную оборонительную систему Гаона? И сколько раз? Накатило унижительное отчаяние, усиленное осознанием, что он не просто ошибался раз за разом, но и ни разу не запоминал этого. Он страшился умереть, боялся рискнуть жизнью, и ведь правда, смерть его будет лишена смысла, как и жизнь. Но какая разница? Если Авт говорит правду, Гаон уже обречен^[1], и у него самого не останется в памяти за что себя упрекнуть.

Авт тихо говорил с пилотом, а тот бормотал что-то в ответ. Кельс вспомнил, как Авт разговаривал с ним в баре шесть месяцев назад. *Привязались ли вы к чему-то, что обязаны были отпустить?* Авт хорошо его просчитал. Это выставляет в нелестном свете Стражу, выбравшую себе такого работника.

— Авт Эмнис.

Авт развернулся, одним ухом продолжая слушать шепот пилота.

— Не делай этого. Сотри запись, возвращайся в каюту. Я никому не скажу.

Авт даже не ответил и отвернулся.

Никаких больше колебаний. Момент настал. Кельс отклеился от переборки и схватил за руку начавшего оборачиваться Авта. Пистолет выстрелил, пуля оцарапала Кельсу ухо и ушла в переборку за его спиной. Зазвучали сигналы тревоги, негромкие и далекие за грохотом сердца. Кельс резко ударил Авта коленом между ног, вырвал пистолет, прижал дуло к голове Авта и выстрелил.

Сигналы тревоги пробудили первую и вторую Стражу. Кельс был весь в крови, как и палуба, как и тело все еще бесчувственного пилота. Нинан что-то говорил, но у Кельса в ушах стояла лишь ревущая тишина, последовавшая за выстрелом.

— ... в шоке, — сказал далекий голос. Но Авт же не в шоке. Он мертв.

— Он не ранен, — губы Нинана двигались в такт звукам. Это говорит Нинан. Его маска съехала набок.

— Это не его кровь. Ираон, вы только гляньте!

Кто-то издал звуки рвоты; на миг самого Кельса охватило желание блевать, он насилу подавил его.

— Лживый мерзавец! — Трис. Его Кельс не видел. — Готов побиться об заклад, не было никакой гаонской бабушки. Я знал, что он подонок. Все они такие.

— Инарахат Кельс, ты герой! — воскликнул Нинан, потрепав Кельса по челюсти. — Ты поймал шпиона!

Кельс дышал длинными прерывистыми вздохами. Нинан трепался про повышения и премии, а кто-то говорил:

— Теперь узнают, что Стражу не проведешь.

Все они на миг показались ему знакомыми и чужими одновременно.

— Пошли к тебе в каюту, — предложил Нинан.

— Неважно, — сказал Кельс.

Нинан ухватил его за руку, помогая подняться.

— Что?

— Неважно. Все это не имеет смысла. — Нинан непонимающе взглянул на него.

— Никто из вас этого не стоит, — мотал головой Кельс. Нинан никогда не поймет. И Трис не поймет, и остальные. Авт Эмнис бы понял, но Авт Эмнис мертв.

— Конечно, — успокаивающе заметил Нинан. — Такое пережить. Но он сам свою судьбу выбрал. Ты просто выполнял свой долг.

* * *

— Он бы не сдался, — сказал Кельс.

— Именно. Роковая ошибка. — Нинан похлопал Кельса по плечу. — Ну ладно, хватит. Пошли к тебе в каюту. Принесем тебе выпить, чего-то покрепче.

— Думается, чашки чая достаточно, — ответил Инаракхат Кельс.

notes

Примечания

1

Как следует из *Ancillary Justice*, так оно и вышло.